

Я ХОЧУ ТЕБЯ

Твой курортный роман

АНИТА ВИХРЕВА

18+

Анита Вихрева

Я хочу тебя

«Автор»

2026

Вихрева А.

Я хочу тебя / А. Вихрева — «Автор», 2026

Меня зовут Стася, и я ненавижу богатых. Но именно на проклятый курорт, где пахнет деньгами и солью, я прилетела, чтобы уничтожить одного из них. Давид Вольф. Серый кардинал побережья. Опасный, как скальпель, и красивый, как смертный грех. Мой план был дьявольски прост: соблазнить, украсть, исчезнуть. Но я просчиталась. Он чувствует ложь кожей. Он покупает меня, как экзотический фрукт, чтобы попробовать и выплюнуть. Каждый наш диалог — дуэль. Каждое прикосновение — ожог. Я тону в роскоши, шампанском и его власти, забывая, кто я. Эта книга скрасит твой отдых и взбудоражит душу, потому что ты увидишь в ней свой собственный курорт, своих демонов и свои желания. Ты заглянешь в бездну чужой страсти и, может быть, найдешь там отражение своей. Это больше, чем роман. Это твой личный, порочный, жаркий курортный роман. Возьми его с собой. И будь готова к тому, что отдых уже не будет прежним.

© Вихрева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пахнет дешёвым кофе и чужим успехом	5
Глава 2. Босиком в луже у рая	7
Глава 3. Оскорбление, которое я не планировала	11
Глава 4. Дресс-код для хищницы	17
Глава 5. Язык, который он понимает	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Я хочу тебя

Глава 1. Пахнет дешёвым кофе и чужим успехом

Ничто так не отрезвляет, как запах дешёвого растворимого кофе «три в одном» в пластиковом стаканчике аэропорта Пулково в четыре утра. Особенно когда ты знаешь, что этот коричневый бурда — последнее, что связывает тебя с прошлой жизнью.

Я, Стася Зацепина, двадцати шести лет от роду, с дипломом философского факультета в рюкзаке и пустым кошельком, стояла у грязного окна и смотрела, как дождь размазывает по бетону огни взлётной полосы. Мой рейс объявили. Рейс в ад. Хотя на табло горело обнадеживающее: «Анталия. Вылет по расписанию».

Расписание у меня было свое. И оно было дьявольски простым.

Пункт первый: забыть, как меня зовут. Теперь я не Анастасия, которой коллекторы бывшего парня Жорика переломали бы ноги за его карточный долг. Теперь я Стася. Просто Стася. Девочка без прошлого.

Пункт второй: влюбить в себя мужчину по имени Аристарх Борисович Вольф. Для своих — Давид. Царь зверей в человеческом обличье. Он трахает всё, что движется, и покупает всё, что стоит на месте. Его империя на этом турецком берегу стоит миллионы. Миллионы, которые, по мнению моего «работодателя», принадлежат ему по праву.

Пункт третий (самый приятный): выпотрошить ублюдка, забрать компромат и исчезнуть. Раствориться в ультрафиолете, оставив его с носом и спущенными штанами.

Звучит как план, да?

В кармане моих потертых джинсов, купленных в секонд-хенде на Разъезжей, завибрировал древний кнопочный телефон. Последнее сообщение от Семёныча, моего «крестного отца в законе»: *«Код от сейфа в его кабинете — дата смерти матери. Разнюхай. И не влюбись, дура. Он тебя с говном съест и не поморщится».*

Я хмыкнула так громко, что парень в очереди на посадку (весь в спортивном, пахнущий дорогим гелем для душа) обернулся и скользнул по мне взглядом. Оценил дешёвую футболку, отсутствие макияжа, мои черные волосы, собранные в хвост на затылке, который выглядел так, будто меня им таскали по углам. Впрочем, так и было. Буквально вчера, когда хозяйка квартиры орала мне в лицо, что вышвырнет мои книги на помойку, если я не заплачу за два месяца.

— Что, красавица, на курорт? — парень подмигнул, сверкнув идеально белыми винирами. — Расслабляться? Купальник взяла?

— Взяла, — я улыбнулась ему, чувствуя во рту вкус крови от прикушенной щеки. — И лопату.

Он не понял юмора. Богатые вообще редко понимают юмор. Им кажется, что шутка — это когда ты упал лицом в торт. А когда ты говоришь метафорами и цитируешь Платона, они лезут гуглить цену на твою сумочку.

Я прошла в салон самолета, села в хвосте у иллюминатора и закрыла глаза, готовясь к взлету. Физически я еще была в Питере, в этом вечном сером мареве. Но ментально я уже стояла под палящим солнцем, босая, на горячем песке. Я представляла, как моя кожа перестанет быть цвета снятого молока и станет цвета карамели.

Я мечтала о жаре. О тепле, которого у меня никогда не было. Моя мать работала на трёх работах, чтобы я могла читать философские трактаты, пока другие девочки ходили на свидания. Мама умерла три года назад, оставив мне долги по ипотеке и чувство вселенской несправедливости. Я ненавидела холод. Я ненавидела отсутствие денег. Я ненавидела свою жизнь.

И поэтому я летела мстить. Мстить не столько Давиду (которого никогда не видела), сколько всей этой системе, где такие, как я, подтирают задницы таким, как он.

Самолет дернулся, и желудок провалился куда-то в пятки. Через четыре часа я приземлюсь в мире, где солнце светит всем, но согревает только тех, у кого есть шезлонг с подогревом.

Я заснула. Мне снилось, что я иду по пляжу, а на мне платье, которое весит больше, чем моя жизнь. И рядом нет никого, только огромное, безжалостное, слепящее солнце.

Глава 2. Босиком в луже у рая

Курорт встретил меня не запахом моря, а ударом жаркого воздуха в лицо, когда автоматические двери аэропорта разъехались в стороны. Я зажмурилась, как крот, вылезший из норы. Господи, как же здесь пахло! Не так, как в Питере — выхлопными газами и сыростью подворотен. Здесь пахло разогретым асфальтом, какими-то сладкими цветами, таксистским одеколоном и, кажется, чьим-то дорогим парфюмом, который просочился даже сквозь толпу встречающих.

Я ступила на эту землю, чувствуя, как мои старые кеды «Конверс» сразу стали неуместными. Они были слишком серыми для этого мира, где всё сверкало: от мраморного пола в зоне прилета до белоснежных улыбок хостес, встречающих гостей с табличками. Таблички были с фамилиями. Смешными, важными, двойными. «Мистер и Миссис Ротшильд». «Господин Шматко». «Семья Тополь».

Я вцепилась в лямку рюкзака и огляделась. Мой автобус до отеля должен был быть самым дешевым. Семёныч расщедрился ровно на тот минимум, чтобы я не умерла от голода. Апартаменты на окраине, в трех километрах от линии моря. Зато с видом на помойку. Но мне ли привыкать к помойкам? Я на них выросла.

Пока я плелась к остановке, обливаясь потом в своей джинсовке (дура, надо было переодеться в туалете!), я разглядывала их. Женщин, ради которых, казалось, этот город и был построен. Они выпархивали из такси, как бабочки из коконов. Загорелые, лоснящиеся, с волосами, которые лежали так идеально, будто их укладывал личный бог. На них были шляпы, которые стоили больше, чем моя месячная аренда квартиры. Их мужчины — все как на подбор в льняных рубашках и с часами, которые поблескивали даже в тени. Они не шли, они шествовали.

Я смотрела на них и чувствовала, как внутри меня закипает старая добрая ненависть. Не та, истеричная, от которой хочется плакать. А та, холодная, философская, которую я взращивала годами. Они все были мне отвратительны своей ленивой грацией, своей уверенностью в том, что воздух, которым они дышат, вкуснее моего.

И всё же где-то глубоко, под слоем цинизма, шевелилось другое чувство. Голод. Я тоже хотела так пахнуть. Я хотела, чтобы мои волосы блестели на солнце, а не висели тусклыми патлами. Я хотела провести рукой по бедру, чувствуя не дешевый хлопок, а скользкий шёлк.

Автобус был старым и дребезжащим. Я села у окна и прижалась лбом к стеклу. Мы поехали. За окном проплывали пальмы, белые оштукатуренные заборы и вывески с ценами на аренду яхт. Цифры были с таким количеством нулей, что у меня зарябило в глазах.

Мой отель (назвать это гест-хаусом было бы комплиментом) стоял в переулке, где пахло жареной рыбой и какой-то гнилью. Администратор, толстый турок с золотой цепью на волосатой груди, долго проверял мой паспорт.

— Мадам, одна? — он ухмыльнулся, показав золотой зуб. — Скучно. Нужен компаньон? У меня есть брат.

— У меня есть топор и заступ, — отрезала я, забирая ключ. — Но если брат не боится, тащите.

Он не понял юмора. Как и тот парень в аэропорту. Список людей, не понимающих сарказм, пополнился.

Номер был именно таким, как я ожидала: обшарпанные обои, запах хлорки, пытающейся перебить запах сырости, и кровать, которая скрипела от одного моего взгляда. Я бросила рюкзак на пол и подошла к окну. Из него открывался вид на стену соседнего дома, на которой висел кондиционер. Он гудел, как взлетающий боинг, и капал ржавой водой прямо на крошечный балкон.

И вот тут, стоя посреди этой убогости, я впервые засмеялась. Громко, в голос. Потому что контраст был слишком абсурдным. Я прилетела уничтожить миллиардера, а живу в дыре, где туалетная бумага напоминает наждачку.

Я быстро разделась догола. Было плевать на жару. Я хотела смыть с себя Питер, самолёт, липкий пот и чужой взгляд администратора. Вода в душе была еле тёплой, а напор таким слабым, что мыло смывалось минут десять. Но я стояла и терла себя мочалкой до красноты, до скрипа, представляя, что сдираю старую кожу.

Потом я встала перед мутным зеркалом и долго на себя смотрела. Худая. Бледная. Ключицы торчат, как у голодного воробья. Под глазами синяки от недосыпа и постоянного стресса. Грудь второго размера, не успевшая обвиснуть только потому, что мне двадцать шесть и я никогда не рожала. Живот впалый, с полоской тёмных волос от пупка вниз.

«И на это ты планируешь поймать мужика, который трахает моделей?» — спросила я своё отражение.

«Заткнись, — ответило оно мне. — Трахают не за сиськи. Трахают за мозги. А у тебя их хватит, чтобы взорвать его череп изнутри».

Я достала из рюкзака единственную приличную вещь — сарафан. Чёрный, простой, купленный на распродаже в «Монетке». Обула босоножки на плоской подошве. Подкрасила ресницы тушью, которая уже начала засыхать, и губы — дешёвым блеском с ароматом ванили.

Настало время разведки. Мне нужно было увидеть его. Просто издалека. Понять, с чем я имею дело.

Я вышла из номера и направилась к пляжу. Идти было минут двадцать, и с каждым шагом воздух вокруг меня менялся. Исчезала вонь рыбы и гнили, появлялся запах моря, смешанный с ароматом цветущих олеандров и дорогого табака. Улицы становились шире, дома богаче. Я шла, и мне казалось, что я попала в декорации к фильму, который никогда не посмотрю, потому что он не про таких, как я.

И вот он, пляж.

Я сняла босоножки и ступила на песок. Он был горячим, почти обжигающим, но нежным и мелким, как мука. Я шла вдоль кромки прибоя, чувствуя, как волна лижет мои ступни. Вода была бирюзовой. Не голубой, не синей, а именно бирюзовой — того оттенка, который бывает только в рекламе «Баунти».

Пляж принадлежал отелю «Белый Лотос». Я знала это, потому что Семёныч заставил меня выучить карту побережья наизусть. Это была территория Давида. Его главная жемчужина. Здесь не было хаоса общественных пляжей — с надувными кругами и орущими детьми. Здесь царил покой. Шезлонги стояли на идеальном расстоянии друг от друга. Белые зонты трепетали на ветру, как паруса. Персонал в униформе скользил между отдыхающими, разнося напитки на подносах. Напитки в высоких стаканах, украшенных зонтиками и дольками карамболы.

Я села прямо на песок, метрах в двадцати от этой роскоши, обхватив колени руками. Я смотрела и запоминала.

Вот дама в возрасте, но с таким лицом, будто ей тридцать. Она лежит на шезлонге и читает книгу в твёрдой обложке. Каждые пять минут к ней подбегает молодой человек и поправляет зонт. Вот компания мужчин. Они громко хохочут и хлопают друг друга по плечам. От них пахнет виски, хотя ещё нет и полудня. Вот пара. Он старше её лет на двадцать. Его рука лениво лежит на ее ягодиче, и он периодически сжимает её сквозь тонкую ткань купальника. Она не возражает. Она смотрит на море пустыми глазами и улыбается.

Я наблюдала за ними, как антрополог наблюдает за племенем туземцев.

А потом я увидела его.

Я не знала, что это он. Просто мой взгляд сам выхватил из толпы фигуру, которая двигалась иначе. Он шёл не как турист, не как отдыхающий. Он шёл как хозяин. В его походке не было расслабленности. Была сжатая пружина. Ленивая, но опасная.

Он был высокий. Очень. С широкими плечами и узкими бедрами. Белая льняная рубашка была расстегнута почти до пупа, открывая гладкую, бронзовую от загара грудь без единого волоса. Шорты цвета мокрого песка. Босые ноги. Он шёл по песку так, будто это был паркет его собственного дворца.

Но главное было — лицо.

Я никогда не видела таких лиц. Оно было грубо высеченным, будто у древнеримской статуи. Тяжёлый подбородок, нос с лёгкой горбинкой, широкие скулы и тёмные глаза, которые даже на расстоянии казались двумя провалами в бездну. Волосы — чёрные, густые, слегка вьющиеся на висках от влажности.

Давид Вольф. Аристарх Борисович. Моя цель. Мой смертный приговор.

Он остановился у одного из шезлонгов и заговорил с кем-то из персонала. Я видела, как парень в униформе вытянулся по струнке и нервно закивал. Давид говорил что-то коротко, не повышая голоса, но даже издали я чувствовала исходящую от него волну властности. Она накрывала всех, кто находился рядом. Это была не энергия агрессии. Нет. Это была энергия абсолютной, непоколебимой уверенности в своём праве решать.

Я засмотрелась так, что не заметила, как меня накрыла волна.

Просто в какой-то момент очередная лизанувшая песок вода оказалась сильнее и добралась до моих бёдер, намочив подол сарафана. Я взвизгнула (идиотка! какой позор!) и попыталась отскочить, но поскользнулась на мокром песке и рухнула прямо в воду. Сарафан промок насквозь. Босоножки уплыли.

Я сидела в луже, мокрая, жалкая, отплёвываясь от солёной воды, которая попала в нос, и в этот момент наши взгляды встретились.

Он смотрел прямо на меня.

Его губы дрогнули в усмешке. Не доброй, не злой. Скорее оценивающей. Как будто он увидел забавного краба, который ползёт не в ту сторону. Я почувствовала, как мои щеки заливают краска. Не от смущения. От ярости. От того, что я позволила себе выглядеть такой идиоткой в его глазах.

Я вскочила на ноги. С сарафана текло. Волосы прилипли к лицу. Я была похожа на утопленницу, которую выбросило на берег.

Он не отвёл взгляд. Наоборот, он медленно, очень медленно, осмотрел меня с ног до головы. От моих голых мокрых ступней, по худым икрам, задержавшись на мокрой ткани, которая облепила мою грудь и живот, до самых моих глаз. Я буквально физически ощущала этот взгляд. Он был липким, тяжёлым и странно горячим.

А потом он подмигнул мне.

И пошёл дальше.

Просто взял и пошёл, как будто ничего не случилось. Как будто он не размазал меня по этому песку без единого слова.

Я стояла, сжимая кулаки, и чувствовала, как внутри меня закипает не просто ненависть. Это было что-то другое. Что-то гораздо более опасное. Я поняла, что моё сердце колотится не только из-за падения. Оно колотится из-за него.

План был прост. Но я забыла об одном: прежде чем ты убьёшь дракона, ты должна войти в его пещеру. И там, в темноте, очень легко потеряться.

Я выловила свои босоножки, которые лениво покачивались на волнах, и побрела обратно в свой затхлый номер. В моей голове пульсировала одна мысль: «Ты. Ты будешь моим. Ты ещё не знаешь, с кем связался, ублюдок в льняной рубашке».

Вечером, лёжа на скрипучей кровати, я слушала гул кондиционера за окном и разрабатывала новую стратегию. Я не могла подойти к нему на пляже, как обычная охотница за кошельком. Таких он отстреливает пачками. Мне нужно было что-то другое. Нужно было стать заметной, не будучи доступной. Нужно было укусить его так, чтобы он захотел укусить в ответ.

Я открыла блокнот и нацарапала три слова:

«Оскорбить. Исчезнуть. Ждать».

Это был мой новый план.

Я заснула под утро, когда кондиционер за окном наконец заткнулся. Мне снился Питер, но не серый и унылый, а какой-то солнечный и чужой. И в этом сне он шёл за мной. Босиком по Невскому. И молчал. И от этого молчания было страшнее, чем от любых слов.

Глава 3. Оскорбление, которое я не планировала

Следующее утро встретило меня не солнцем, а ржавым скрипом кондиционера, который сдох окончательно. Я проснулась в луже собственного пота, с прилипшими ко лбу волосами и единственным желанием: убивать. Желательно — богатых. Ещё желательнее — одного конкретного.

В голове всё ещё крутилась вчерашняя сцена на пляже. Его взгляд. Его усмешка. То, как он подмигнул мне — мокрой, жалкой, сидящей в луже. Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Ничего. Скоро ты перестанешь улыбаться, сукин сын.

Я встала с кровати и подошла к мутному зеркалу. Осмотрела себя критически, как товар перед продажей. Волосы после вчерашнего купания в солёной воде превратились в мочалку. Кожа на плечах обгорела и шелушилась. Губы потрескались от ветра. Вид был тот ещё.

«Ну и отлично», — подумала я. — «Так даже лучше. Так ты не будешь похожа на одну из них. На тех фарфоровых кукол, которые блеют в инстаграме* (*запрещенная социальная сеть в РФ) и боятся сломать ноготь».

Я надела всё тот же чёрный сарафан (другого всё равно не было), собрала волосы в высокий хвост, который открывал мою худую шею и острые ключицы, и не стала краситься. Вообще. Только намазала губы гигиенической помадой и ущипнула себя за щёки, чтобы появился хоть какой-то румянец.

Сегодня был день X. День, когда я должна была попасть на территорию отеля «Белый Лотос». Не как туристка, не как гостя. Как охотница.

Проблема была в том, что вход на пляж и в лобби-бар отеля охранялся. На воротах стояли два амбала в чёрных костюмах, и они пропускали только тех, у кого на запястье болтался браслет гостя — золотистый, с голограммой в виде цветка лотоса. У меня такого браслета не было. У меня вообще ничего не было, кроме наглости и отчаяния.

Я подошла к воротам и замерла в тени пальмы, наблюдая. Амбалы работали чётко. Каждого входящего они сканировали глазами, потом лёгким кивком давали разрешение пройти. Отдыхающие плыли мимо них, как рыбы в аквариуме, даже не замечая охраны. Они привыкли, что мир перед ними расступается.

Я прикидывала варианты. Можно было попробовать проскочить с толпой. Можно было изображать пьяную дуру, которая заблудилась. Можно было даже закричать и устроить скандал — но тогда меня просто вышвырнут и запомнят, а это не входило в мои планы.

И тут мне повезло.

К воротам подъехал грузовичок с надписью «La Pâtisserie Française». Из кабины выпрыгнул парень с огромным подносом, на котором высились пирамиды круассанов и каких-то невероятных эклеров. Он что-то быстро затараторил по-турецки охранникам, те закивали и открыли ворота.

Я не стала думать. Просто сорвалась с места, подлетела к парню и схватилась за другой край подноса.

— Помочь? — выдохнула я ему в лицо, сверкая самой обезоруживающей улыбкой, на которую была способна. — Я новый ассистент шеф-повара. Меня прислали встретить.

Парень уставился на меня с подозрением, но поднос был реально тяжёлым, и он явно не горел желанием тащить его один.

— Ассистент? — переспросил он с сильным акцентом. — Не знал. Но давай. Держи ровно. Это для вип-завтрака. Если уроним — шеф нам головы открутит.

И мы пошли.

Охранники скользнули по мне взглядом и отвернулись. Девушка с подносом, спешащая на кухню, не вызвала у них интереса. Я опустила голову и старалась идти уверенно, как будто всю жизнь разносила круассаны миллионерам.

Мы прошли через служебный вход, мимо кухни, где пахло ванилью и свежемолотым кофе, и оказались в длинном коридоре с мраморными полами. Мои шаги гулко отдавались в тишине. Парень толкнул какую-то дверь плечом, и мы вошли в рай.

Лобби-бар отеля «Белый Лотос» был именно таким, каким я его представляла: огромные панорамные окна с видом на бесконечную бирюзу моря, белые диваны, на которых сидели люди в халатах и купальниках, хрустальные люстры, свисающие с потолка как застывшие капли воды. В воздухе пахло свежесжатым апельсиновым соком, дорогим табаком и чем-то цветочным — кажется, орхидеями, которые стояли в вазах на каждом столике.

Я замерла на секунду, чувствуя, как мои лёгкие наполняются этим воздухом. Он был другим. Не тем, которым дышала я в своём затхлом номере. Этот воздух был сладким, как ликёр, и одновременно лёгким, как морской бриз. Им хотелось дышать глубже, втягивать его ноздрями, пить его.

— Эй! — парень толкнул меня локтем. — Поставь здесь. И уходи. Дальше я сам.

Я помогла ему опустить поднос на длинный стол, уставленный фруктами и цветами, и быстро отступила в тень. Осмотрелась.

Где он? Где этот чёртов Давид?

Я скользила взглядом по лицам отдыхающих, выискивая знакомый тяжёлый подбородок и тёмные глаза. Дамы в шёлке. Мужчины в поло. Официанты с шампанским. Бармен, который жонглировал бутылками за стойкой. Музыка, тихая, ненавязчивая, что-то джазовое.

И тут я услышала его голос.

Он доносился откуда-то сбоку, из-за колонны, увитой плющом. Низкий, глубокий, с лёгкой хрипотцой, как будто он только что проснулся или слишком много курил. Я не разбирала слов, только тембр — обволакивающий, как горячий шоколад, и опасный, как битое стекло.

Я шагнула ближе, прячась за колонной, и наконец увидела его.

Давид сидел в огромном белом кресле, закинув ногу на ногу. На нём были светлые брюки и тёмно-синяя рубашка с закатанными рукавами, открывающая его мощные предплечья. На запястьях поблёскивали часы, которые стоили, наверное, как моя квартира в ипотеку. Перед ним на низком столике стояла чашка эспрессо и раскрытый ноутбук. Рядом — какой-то мужчина в деловом костюме, явно нервничающий, что-то быстро объяснял ему, размахивая руками.

Давид слушал его с таким выражением лица, будто перед ним был не человек, а жужжащая муха. Лениво. Брезгливо. В его глазах не было ни интереса, ни злости — только скука. Бесконечная, вселенская скука человека, который уже всё пробовал и всё купил.

Я наблюдала за ним, чувствуя, как моё сердце начинает биться чаще. Он был ещё опаснее, чем вчера. На пляже он был расслаблен, как хищник на солнце. Здесь, в своей естественной среде, он был королём. И король скучал.

«Ничего, — подумала я. — Сейчас мы тебя развлечём».

Я должна была придумать предлог, чтобы приблизиться. Просто подойти и сказать «привет»? Нет. Глупо. Он тут же раскусит во мне охотницу. Такие, как он, чувствуют фальшь за версту.

И тут судьба снова бросила мне кость.

Одна из официанток, молодая девушка с подносом, споткнулась о край ковра и с грохотом уронила бокалы. Шампанское разлилось по мраморному полу. Все обернулись. Девушка замерла, белая как полотно, и я видела, как её руки начинают дрожать.

Давид медленно повернул голову. Его взгляд упал на официантку, на лужу шампанского, на осколки. Он ничего не сказал. Просто посмотрел. Но этого взгляда хватило, чтобы девушка съёжилась и стала похожа на побитую собаку.

И тут во мне что-то щёлкнуло.

Я не знаю, что это было. Может, моя старая ненависть к богатым. Может, инстинкт защищать тех, кто слабее. А может, просто желание заявить о себе. Но я вышла из-за колонны и громко, чётко, так, чтобы слышали все, произнесла:

— Серьёзно? Вы будете сидеть и смотреть, как человек рассыпается в пыль перед вами? Из-за бокала шампанского? У вас тут что, за каждый разбитый бокал четвертуют на месте?

В баре повисла тишина. Такая, что я услышала, как за окном кричат чайки. Девушка-официантка подняла на меня глаза, полные ужаса и благодарности одновременно. Мужчина в деловом костюме замер с открытым ртом.

А Давид... Давид повернулся ко мне.

Медленно. Очень медленно. Как большой лев, который услышал писк мыши и ещё не решил, стоит ли тратить на неё энергию.

Его глаза встретились с моими, и я почувствовала, как внутри всё сжалось. Это было как удар током. Не метафорический. Самый настоящий. От макушки до пяток. Его взгляд был тяжёлым, изучающим, и в нём не было ни капли того веселья, которое я видела вчера. Сегодня он не улыбался.

— А ты кто такая? — спросил он. Его голос звучал ровно, но в нём была скрытая угроза, как подводное течение, которое затягивает купальщика.

— Никто, — ответила я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал. — Просто человек, который ещё не забыл, что официанты — тоже люди.

Он хмыкнул. Встал с кресла.

И вот тут я поняла, что совершила ошибку. Когда он сидел, он был просто большим мужчиной. Когда он встал, он оказался огромным. Он нависал надо мной, хотя я была не из мелких. От него пахло сандалом и солью, и этим его особым запахом — озоном, который бывает после грозы. Он смотрел на меня сверху вниз, и в его глазах зажглось что-то новое. Не скука. Интерес.

— Никто, — повторил он, пробуя слово на вкус. — Но при этом орёшь в моём баре, как будто имеешь на это право. У тебя есть право, Никто?

— У меня есть мнение, — выпалила я. — И я считаю, что запугивать прислугу — это удел слабых.

Краем глаза я видела, как менеджер в костюме побледнел и начал делать какие-то странные знаки охране. Официантка тихо собирала осколки, стараясь стать невидимой. А я стояла и смотрела в глаза самого опасного человека на этом побережье, чувствуя, как мои пятки горят от желания убежать.

Давид сделал шаг ко мне.

Близко. Слишком близко. Я почувствовала тепло его тела. Видела крошечный шрам над его левой бровью. Замечала, как пульсирует жилка на его шее.

— Имя, — сказал он. Это был не вопрос. Приказ.

— Анастасия, — ответила я, почему-то назвав полное имя. Стася осталась где-то в Питере, в луже под дождём. Здесь, перед ним, я была Анастасией.

— Анастасия, — он растянул моё имя, как дорогую ириску. — Ты работаешь здесь?

— Нет.

— Гостья?

— Нет.

— Тогда как ты сюда попала?

Я молчала. Мой мозг лихорадочно искал ответ, но все варианты были дурацкими.

— Я жду, — напомнил он.

— Я прошла с кухни, — сказала я. Врать дальше было бесполезно. — Я помогала нести круассаны.

Он моргнул. А потом, к моему полному изумлению, рассмеялся. Негромко, хрипло, но это был настоящий смех, от которого у меня по спине побежали мурашки.

— Ты прошла с кухни, — повторил он, качая головой. — Чтобы спасти официантку, которую даже не знаешь. От меня. От монстра, который, по твоему мнению, ест людей на завтрак.

— Ну, вы же не едите? — не удержалась я. — Или едите?

Он перестал смеяться. Его лицо снова стало серьёзным, даже мрачным.

— Ем, — сказал он тихо, почти шёпотом, и его глаза потемнели. — Но не круассаны.

И тут он сделал нечто странное. Он протянул руку и взял прядь моих волос, упавшую на плечо. Просто взял и намотал на палец. Его прикосновение было лёгким, почти невесомым, но моя кожа вспыхнула там, где он коснулся. Я замерла, боясь дышать.

— У тебя мокрые волосы, — заметил он.

— Я мыла голову. Утром.

— Мыла голову? Утром? — он снова ухмыльнулся. — И ты думаешь, что это достаточный повод, чтобы вламываться в мой отель и кричать на меня?

— Я не кричала.

— Кричала. Ещё как. У тебя очень громкий голос для девушки, у которой такие худые ключицы.

Он отпустил мои волосы, но не отступил. Мы стояли лицом к лицу, и расстояние между нами было неприлично коротким. Я чувствовала его дыхание на своей щеке. Пахло кофе и мятой.

— Ты смелая, Анастасия, — сказал он наконец. — Глупая, но смелая. Это опасная комбинация.

— Я знаю.

— И что же мне с тобой делать?

— Отпустить? — предложила я.

— Скучно, — отрезал он.

Он отошёл на шаг и засунул руки в карманы брюк. Его поза снова стала расслабленной, но глаза остались цепкими.

— Ты голодна? — спросил он неожиданно.

— Что?

— Голодна. Еда. Ты пришла с кухни, но вряд ли успела поесть. У тебя вид, будто тебя неделю не кормили.

Я открыла рот, чтобы ответить что-то колкое, но мой желудок предал меня. Он заурчал. Громко. Так громко, что это, наверное, было слышно на ресепшене.

Давид усмехнулся и кивнул менеджеру.

— Накройте стол на террасе. На двоих. И шампанского. «Кристалл». 2008 года.

Менеджер кивнул и исчез, а я осталась стоять, переваривая происходящее. Он что, только что пригласил меня на завтрак? После того, как я наорала на него?

— Я не одета для завтрака, — вырвалось у меня. — На мне сарафан за пятьсот рублей.

— Я заметил, — сказал он, не оборачиваясь. — Он мокрый и в пятнах. Но я пригласил тебя не ради сарафана.

Он пошёл к террасе, и я, помедлив секунду, последовала за ним. Мои ноги дрожали, сердце колотилось где-то в горле, а в голове крутилась одна мысль: «Это происходит. Это, чёрт возьми, происходит. Он клюнул».

Мы вышли на террасу, которая нависала прямо над морем. Волны разбивались о скалы где-то внизу, и солёные брызги долетали до наших ног. Стол был накрыт на двоих: белая ска-терть, хрустальные бокалы, серебряные приборы. В центре стояла ваза с белыми орхидеями. Официант уже разливал шампанское, которое искрилось в бокалах, как жидкое золото.

Давид отодвинул для меня стул. Я села, чувствуя, как моя задница касается мягкого шёлка подушки, и едва не застонала от ощущения. Это было как сесть на облако. После моей скрипучей кровати в гест-хаусе это было откровение.

Он сел напротив, взял свой бокал и поднял его.

— За что пьём? — спросил он.

— За справедливость? — предложила я.

— Скучно.

— За смелых и глупых?

— Уже теплее. — Он сделал глоток, не сводя с меня глаз. — Давай лучше выпьем за Никто. За тех, кто появляется из ниоткуда и делает мой день интереснее.

Мы чокнулись. Шампанское было ледяным и колючим, оно обожгло мне горло и тут же ударило в голову. Я редко пила. Тем более на голодный желудок.

Официанты начали приносить еду. Это был не завтрак. Это было произведение искусства. Устрицы на подушке из колотого льда, блестящие, как жемчужины. Ломтики авокадо, выложенные веером. Яйца-пашот, истекающие золотым желтком. Тончайшие блинчики с красной икрой. Фрукты, нарезанные так, что каждый кусочек был идеален.

Я смотрела на всё это и чувствовала, как у меня кружится голова. Не только от шампанского. От контраста. Ещё вчера я заваривала себе «Доширак» в номере. Сегодня я сижу на террасе пятизвёздочного отеля и ем устриц.

— Ты смотришь на еду так, будто никогда её не видела, — заметил Давид, разрезая яйцо.

— Я никогда не видела такой еды, — честно ответила я. — В моём мире завтрак — это растворимый кофе и бутерброд с колбасой. Иногда без масла, если кончилось.

— И где же этот твой мир?

— Далеко, — я отвела глаза. — Очень далеко отсюда.

Он не стал допрашивать. Он просто жевал, глядя на меня, и в его молчании было что-то странное. Не враждебное. Скорее, оценивающее. Как будто он смотрел не на женщину, а на уравнение, которое нужно решить.

— Что ты здесь делаешь, Анастасия? — спросил он наконец.

— Отдыхаю, — соврала я.

— Врёшь.

Я подавилась шампанским.

— Что?

— Ты не похожа на отдыхающую. У тебя нет денег. Ты живёшь где-то на окраине, я почти уверен. Ты злая, колючая и смотришь на моих гостей так, как будто хочешь их всех задушить. И при этом ты рискуешь всем, чтобы защитить официантку, которую видишь впервые. — Он откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. — Так что ты здесь делаешь?

Моё сердце ухнуло в пятки. Он видел меня насквозь. Он читал меня, как открытую книгу. Я должна была срочно придумать что-то убедительное.

— Я приехала начать новую жизнь, — сказала я, и, к моему собственному удивлению, это прозвучало почти правдиво. — У меня были проблемы. Долги. Люди, от которых я хотела сбежать. Я купила билет в один конец и прилетела сюда. У меня нет денег, да. Нет красивой одежды. Нет планов. Но у меня есть голова на плечах и желание выжить.

Он слушал меня, и что-то в его лице менялось. Уходила усмешка. Уходила скука. Появлялось что-то другое — понимание?

— И что ты планируешь делать? — спросил он.

— Искать работу.

— Кем?

— Не знаю. Официанткой. Уборщицей. Кем угодно. Я не боюсь грязной работы.

Он помолчал. Потом взял свой бокал, допил шампанское и поставил его на стол.

— У меня есть предложение, — сказал он.

— Какое?

— Ты не будешь работать официанткой. Ты будешь работать на меня.

Я чуть не поперхнулась.

— В каком смысле — на вас?

— В прямом. У меня есть проект. Я ищу человека, который будет заниматься... скажем так, культурной программой для гостей. Организовывать мероприятия, подбирать развлечения, следить за тем, чтобы им не было скучно. Это не пыльная работа. Хорошая зарплата. Жильё на территории отеля. И возможность начать ту самую новую жизнь, о которой ты говоришь.

Я смотрела на него и не могла поверить своим ушам. Это было слишком. Слишком быстро. Слишком подозрительно.

— Почему вы предлагаете это мне? — спросила я. — Вы меня не знаете. Я пять минут назад на вас орала.

— Именно поэтому, — он улыбнулся, и на этот раз улыбка была почти тёплой. — Ты единственная за последние два года, кто сказал мне правду в лицо. Не побоялась. Не стала лизать зад. Ты мне дерзила, и это было восхитительно.

Он наклонился вперёд, и его глаза оказались совсем близко к моим.

— Ты мне понравилась, Анастасия. Не как женщина. Как явление. Редкое. Необычное. И я хочу посмотреть, что из тебя получится, если дать тебе шанс.

Я сглотнула. В горле пересохло. Предложение было идеальным. Оно решало все мои проблемы: жильё, деньги, доступ к нему. Это было именно то, ради чего я сюда приехала. И всё же что-то внутри меня кричало: «Ловушка! Это ловушка!»

— А если я откажусь? — тихо спросила я.

— Тогда ты уйдёшь, — он пожал плечами. — И будешь дальше жить в своём мире бутербродов без масла. Я не держу. Но я вижу твои глаза, Анастасия. Ты хочешь большего. Ты заслуживаешь большего. И я могу тебе это дать.

Он протянул мне руку. Открытую ладонь. Приглашение.

Я смотрела на эту руку и думала о Семёныче. О его сообщении. О том, что я должна сделать. О маме, которая умерла. О долгах. О холоде, который преследовал меня всю жизнь.

И я приняла решение.

Я вложила свою ладонь в его. Его рука была тёплой, сухой и удивительно сильной. Он сжал мои пальцы, и я почувствовала, как мои кости хрустнули.

— Хороший выбор, — сказал он. — Добро пожаловать в «Белый Лотос», Анастасия.

Он отпустил мою руку, поднялся и бросил салфетку на стол.

— Завтра в девять утра. Мой офис. Не опаздывай. И надень что-нибудь приличное. Сарафан за пятьсот рублей оставь для пляжа.

И он ушёл. Просто развернулся и ушёл, оставив меня одну за столом, уставленным остатками роскошного завтрака. Я сидела, смотрела на море и чувствовала, как внутри меня разрастается странное чувство.

Это был не триумф. И не страх. Это было предвкушение. Тёмное, сладкое и опасное.

Я только что продала душу дьяволу. И, кажется, мне это понравилось.

Глава 4. Дресс-код для хищницы

Утро началось не с кофе, а с паники.

Я проснулась в своём затхлом номере за час до будильника — тело всё ещё жило по питерскому времени, но мозг уже колотился о черепную коробку, как мотылёк о лампу. Сегодня в девять. Его офис. «Надень что-нибудь приличное».

Я села на скрипучей кровати и устала на свой рюкзак, который сиротливо валялся в углу. Приличное. Что у меня было приличного? Чёрный сарафан? После вчерашнего он был мятым, как лицо боксёра после нокаута, и всё ещё хранил запах морской соли и моего пота. Джинсы? Дыра на колене, которую я гордо называла «винтаж», но для офиса миллиардера это просто дыра. Футболка с надписью «Ницше мёртв»? Остроумно, но вряд ли он оценит.

Я перебрала свои вещи трижды, надеясь на чудо. Чуда не случилось. Максимум, что я могла предложить миру высокой моды — это чёрные леггинсы без катышек (почти) и свободную белую рубашку, которую я стащила у бывшего ещё до того, как узнала о его карточных долгах. Рубашка была мужская, размера на два больше моего, но если закатать рукава и завязать узел на талии, получалось почти стильно. Почти.

Я оделась перед мутным зеркалом, придирчиво разглядывая результат. Леггинсы обтягивали бёдра так, что видна была каждая косточка. Рубашка висела мешком, но открывала ключицы и шею. На ноги — единственные приличные балетки, которые я взяла «на случай чего-то важного». Случай настал.

— Ну и ладно, — сказала я своему отражению. — Если ему нужна модель, он ошибся дрессом. Если ему нужен мозг — я в порядке.

Отражение посмотрело на меня с сомнением, но промолчало.

Путь от моего гест-хауса до «Белого Лотоса» занимал двадцать пять минут пешком. Я вышла в восемь, чтобы наверняка не опоздать, и побрела по утренним улицам. Город просыпался. Открывались лавки с фруктами, пахло свежим хлебом из пекарен, дворники поливали тротуары из шлангов. Солнце уже припекало, но не обжигало — утреннее, ласковое, оно золотило верхушки пальм и заставляло тени быть длинными и резкими.

Я шла и думала о нём. О Давиде. О том, как он смотрел на меня вчера. О том, как его пальцы намотали прядь моих волос. О том, как он сказал: «Ты мне понравилась. Как явление». Что это вообще значит? Явление. Как НЛО? Как приведение?

И почему, чёрт возьми, моё сердце колотилось быстрее при мысли о новой встрече? Это же просто работа. Часть плана. Я же не всерьёз собиралась работать на него. Я собиралась его уничтожить. Помнишь, Стася? Уни-что-жить.

Но память подсовывала другое: его запах. Сандал и озон. И то, как его глаза потемнели, когда он сказал: «Ем. Но не круассаны».

Я тряхнула головой, отгоняя ненужные мысли, и ускорила шаг.

Когда я подошла к воротам «Белого Лотоса», меня уже ждали. Тот самый охранник, который вчера провожал меня взглядом, теперь шагнул вперёд и открыл передо мной калитку.

— Госпожа Анастасия? — спросил он с лёгким поклоном.

Я чуть не рассмеялась. Госпожа Анастасия. В Пулково меня называли «девушка, не задерживайте очередь». А здесь я, оказывается, госпожа.

— Да, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — У меня встреча с господином Вольфом.

— Вас проводят.

Из тени вышел молодой парень в униформе — явно ассистент или кто-то вроде того. Он улыбнулся профессиональной улыбкой и махнул рукой, приглашая следовать за ним.

Мы прошли через лобби, которое утром было ещё красивее, чем вчера. Солнце заливало его через панорамные окна, зажигая искры в хрустальных люстрах. Постояльцы завтракали на террасе — я видела их через стекло: белые халаты, свежавыжатые соки, ленивые улыбки. Всё те же. Всё та же порода.

Мы поднялись на лифте на четвёртый этаж. Здесь было тихо. Мраморные полы, приглушённый свет, двери из тёмного дерева. Никакой вычурности — только сдержанная, дорогая роскошь, которая не кричит, а шепчет: «Мы можем всё, но нам не нужно ничего доказывать».

Ассистент остановился у высокой двери и постучал.

— Войдите, — раздался низкий голос изнутри.

Парень открыл дверь и пропустил меня вперёд. Я вошла — и замерла.

Кабинет Давида Вольфа был огромным. Нет, не так. Он был бескрайним. Целая стена из стекла открывала вид на море, которое сияло под утренним солнцем, как расплавленный сапфир. Вторая стена была занята книжными полками — настоящими, из тёмного дерева, уставленными книгами в кожаных переплётах. Я невольно скользнула по корешкам: что-то на немецком, что-то на французском, много русской классики.

Сам Давид сидел за массивным письменным столом, но не работал. Он полулежал в кресле, закинув ноги на угол стола, и читал какую-то папку. Сегодня на нём были тёмные брюки и простая белая футболка, которая обтягивала его грудь и плечи так, что я на секунду забыла, как дышать.

— Ты опоздала, — сказал он, не поднимая глаз.

— На две минуты, — возразила я, взглянув на часы на стене. — Мой внутренний навигатор ещё не привык к местности.

— Внутренний навигатор, — он отложил папку и наконец поднял на меня глаза. — У тебя на всё есть ответ, да?

— Почти.

Он осмотрел меня. Так же, как вчера. Медленно, тщательно, от балеток до макушки. Я стояла и позволяла себя разглядывать, хотя внутри всё сжималось от напряжения. Наверное, я должна была чувствовать себя неловко, но вместо этого я чувствовала что-то другое. Его взгляд был как прикосновение. Он скользил по моим плечам, по ключицам, по талии, и каждая точка, на которой он задерживался, начинала гореть.

— Ты умеешь выполнять инструкции? — спросил он наконец.

— Какие?

— Я сказал: надень что-нибудь приличное.

Я вспыхнула.

— Это приличное! — я развела руками, показывая свой наряд. — У меня было два варианта: это или сарафан. Сарафан вы забраковали вчера.

— Я не забраковал. Я сказал оставить его для пляжа.

— Какая разница?

Он вздохнул. Встал из-за стола и подошёл ко мне. Близко. Слишком близко, чёрт возьми. Я снова чувствовала этот запах — сандал и что-то солёное, как будто он только что вышел из моря.

— Разница в том, — сказал он тихо, — что я хочу видеть рядом с собой женщину, а не беженку. Ты работаешь на меня. Ты — лицо моего проекта. Люди будут смотреть на тебя и составлять мнение обо мне.

— И какое же мнение они составят, глядя на меня?

Он обошёл меня кругом. Я чувствовала его взгляд на своей спине, на шее, на талии. Это было почти неприлично.

— Сейчас — что я подбираю на пляже бездомных, — сказал он мне в затылок. — А я хочу, чтобы они думали: «Чёрт, где он нашёл такую?»

Я повернулась к нему лицом. Он стоял в полуметре. Его глаза смотрели на меня сверху вниз, и в них играли какие-то бесенята.

— То есть вы хотите, чтобы я была вашей визитной карточкой?

— Я хочу, чтобы ты была моей инвестицией.

Он развернулся и пошёл к двери, бросив через плечо:

— Идём. У нас мало времени.

— Куда? — я поспешила за ним.

— Вниз. Здесь есть бутик.

Бутик в отеле «Белый Лотос» оказался не просто бутиком. Это был храм. Храм шёлка, кожи, золота и того особого высокомерия, которое источают вещи, стоящие больше, чем квартира.

Просторный зал с приглушённым светом, зеркальные стены, вешалки с платьями, которые висели так, будто каждое из них — произведение искусства. В воздухе пахло дорогими духами и ещё чем-то — кажется, деньгами. У денег есть свой запах, и это не запах купюр. Это смесь выделанной кожи, свежих цветов и абсолютной уверенности в завтрашнем дне.

Когда мы вошли, откуда-то из глубины зала выпорхнула женщина. Высокая, худая, в чёрном платье-футляре и с причёской, которая выглядела так, будто над ней работали час. Её лицо было безупречным, как маска, но глаза — живые, цепкие, мгновенно оценивающие мой наряд и находящие его... ну, не очень.

— Давид, дорогой, — пропела она с лёгким акцентом. — Ты сегодня рано.

— Марго, — кивнул он. — Это Анастасия. Нужен полный гардероб. Всё. От нижнего белья до вечернего платья. И не смотри на меня так. Бюджет не ограничен.

У меня внутри всё перевернулось. Нижнее бельё? Он сказал «нижнее бельё»? Он что, собирается выбирать мне трусики?

Марго перевела взгляд на меня. Её глаза пробежались по моей фигуре, как сканер в аэропорту.

— Размер? — спросила она деловито.

— Э-э-э, — я зависла. — Грудь второй, талия... я не знаю точно.

— Я знаю, — бросил Давид, даже не глядя на меня. — Талия шестьдесят три сантиметра. Бёдра восемьдесят восемь. Грудь — восемьдесят пять. Обувь — тридцать седьмой.

Я уставилась на него с открытым ртом.

— Откуда вы...

— У меня глаз-алмаз, — он ухмыльнулся. — И многолетний опыт.

Я захлопнула рот. Марго уже деловито снимала с вешалок какие-то невероятные вещи: шёлковое платье цвета шампанского, строгий брючный костюм песочного оттенка, юбка-карандаш из чёрной кожи.

— Начнём с базового, — объявила она и впихнула меня в примерочную.

Дальше начался ад. Или рай. Я так и не поняла.

Примерочная была размером с мой номер в гест-хаусе. Зеркала в полный рост со всех сторон, мягкий ковёр под ногами, диванчик, обитый бархатом. Я стояла посреди этого великолепия, пока Марго заносила вещь за вещь, и чувствовала себя самозванкой, которая вот-вот будет разоблачена.

Первым был бельевой гарнитур. Чёрное кружево, которое весило меньше, чем бумажная салфетка. Я надела его и уставилась на себя в зеркало. Из зеркала на меня смотрела незнакомка. Кружево обтягивало бёдра, приподнимало грудь, делало кожу более смуглой и какой-то... дорогой.

— Ну что там? — раздался его голос снаружи.

— Всё нормально! — крикнула я, судорожно натягивая следующее — шёлковый топ кремового цвета и широкие брюки.

— Выходи, — это был не вопрос.

— Я не готова!

— Выходи, Анастасия. Я должен видеть.

Я вздохнула, стиснула зубы и вышла.

Давид сидел в кресле, закинув ногу на ногу, и потягивал эспрессо из крошечной чашки. Увидев меня, он замер. Чашка застыла на полпути к губам. Его глаза прошлись по мне снизу вверх и сверху вниз, и в них промелькнуло что-то, от чего у меня перехватило дыхание.

— Неплохо, — сказал он, но голос звучал глуше обычного. — Повернись.

Я повернулась. Чувствовала его взгляд на своих лопатках, на талии, на бёдрах. Это было как стоять под горячим душем.

— Следующее, — скомандовал он Марго.

И понеслось. Платья, юбки, топы, блузки, комбинезоны, сарафаны (настоящие, дизайнерские, а не из «Монетки»). Я выходила, вертелась, уходила, переодевалась снова. Марго порхала вокруг меня с булавками и зажимами, что-то подкалывала, одёргивала, поправляла. Давид сидел, как султан на троне, и оценивал каждый выход. Иногда он кивал: «Берём». Иногда хмурился: «Нет. Слишком пёстро». Иногда просто смотрел молча, и это молчание было тяжелее любых слов.

Один раз, когда я вышла в облегающем платье цвета морской волны, он встал. Подошёл ко мне. Взял за плечи и развернул к зеркалу.

— Смотри, — сказал он мне на ухо, и от его дыхания у меня по коже побежали мурашки. — Видишь эту женщину?

Я смотрела в зеркало и не узнавала себя. Платье сидело как влитое — или даже лучше. Оно обнимало каждый изгиб, но не обтягивало, струилось при движении, меняло цвет в зависимости от освещения. Мои плечи, всегда казавшиеся мне слишком худыми, теперь выглядели изящными. Мои ноги казались длиннее. Даже мои волосы, всё ещё собранные в дурацкий хвост, выглядели иначе — как будто их специально так растрепали для фотосессии.

— Это не я, — прошептала я.

— Это ты, — возразил он. — Просто ты ещё не привыкла. Привыкай.

Он отпустил мои плечи и вернулся в своё кресло.

Спустя полтора часа я стояла перед горой пакетов и коробок, чувствуя себя так, будто меня переехал каток. Марго что-то считала в своём планшете, называя какие-то безумные цифры, от которых у меня сводило зубы. Давид расплатился картой, не глядя на сумму.

— Доставьте в апартаменты для персонала, — сказал он Марго. — Номер сто семнадцать.

— Сто семнадцать? — переспросила я. — А что там?

— Твой новый дом.

— Но у меня есть номер...

— В той дыре? — он даже не пытался скрыть презрения. — Забудь. Ты живёшь здесь теперь. Это часть контракта.

— Я не подписывала никакого контракта.

— Подпишешь завтра.

Я открыла рот, чтобы возразить, но он уже шёл к выходу, и мне ничего не оставалось, как следовать за ним. Пакеты обещали принести позже. Мы снова поднялись в его кабинет, и я упала в кресло напротив стола, чувствуя себя выжатым лимоном.

— Зачем всё это? — спросила я. — Шмотки, апартаменты, завтраки с шампанским. Вы меня совсем не знаете. Я могу оказаться воровкой. Или мошенницей. Или аферисткой.

— Можешь, — согласился он, садясь за стол. — Но я проверяю людей, прежде чем их нанимать. У тебя нет судимостей. Твой долг — двести тысяч рублей. Не так уж много для аферистки. Ты действительно училась на философском. Твоя мать умерла, отец неизвестен. Ты работала бариста и жила в съёмной квартире. Никаких загадок.

Я похолодела.

— Вы... вы что, пробивали меня по базам?

— Конечно, — он пожал плечами. — Я не держу рядом с собой тех, о ком ничего не знаю. Ты чиста, Анастасия. Почти.

— Почти?

Он посмотрел на меня долгим взглядом. Таким долгим, что я почувствовала, как мурашки бегут по спине.

— Ты злая, — сказал он наконец. — Это видно. Ты злая на жизнь, на мужчин, на систему. И ты что-то скрываешь. Не в документах — в голове. Но именно это меня и заводит.

Я молчала. Сердце стучало так громко, что, казалось, он слышит.

— У каждого есть скелеты, — добавил он мягче. — Я не лезу в чужие шкафы. Пока ты делаешь свою работу хорошо, мне плевать, что у тебя внутри. Но если ты попытаешься меня обмануть... — он не договорил. Да и не нужно было.

Я сглотнула.

— Что я должна делать? В рамках работы?

— А, точно, — он взял со стола папку и протянул мне. — Ознакомься. Здесь детали проекта. Мы запускаем закрытый клуб. Эксклюзивные мероприятия для vip-гостей. Закрытые ужины, дегустации, экскурсии на яхтах. Твоя задача — придумывать, чем удивить этих пресыщенных тварей. У тебя острый ум и острый язык. Дерзай.

Я взяла папку. Она была тяжёлой.

— А если я не справлюсь?

— Тогда я тебя уволю, — просто сказал он. — И ты вернёшься в свой гест-хаус к кондиционеру, который капает ржавчиной. Не советую.

Он встал, давая понять, что разговор окончен. Я тоже поднялась. У двери он остановил меня.

— Анастасия.

— Да?

— Ты красивая. Очень. Даже в своей нелепой рубашке. Но когда ты наденешь то, что мы купили, ты станешь опасной. — Его голос стал ниже, интимнее. — Я люблю опасность. Но смотри не порежься сама.

Я вышла, не сказав ни слова. Ноги несли меня по коридору, пока я не упёрлась в дверь с номером сто семнадцать. Достала ключ, который мне дал ассистент. Открыла.

И замерла на пороге.

Это были не «апартаменты для персонала». Это был люкс. Огромная кровать с белоснежным бельём, панорамное окно с видом на море, собственная терраса с лежаками, мраморная ванная с джакузи. На столе — ваза с орхидеями. В мини-баре — шампанское. На кровати — аккуратно разложенные пакеты из бутика.

Я села на пол прямо посреди комнаты и расхохоталась. Истерически. До слёз. Потому что это было слишком. Потому что три дня назад я варила кофе незнакомым людям за тридцать тысяч рублей в месяц. Потому что сейчас я сижу в люксе пятизвёздочного отеля, и мужчина, которого я собираюсь уничтожить, только что купил мне кружевные трусики.

Я отсмеялась, вытерла слёзы и подошла к окну. Море было бесконечным. Солнце клонилось к закату, окрашивая воду в розовый и золотой. Я стояла и смотрела на него, и в голове крутилась одна мысль: «Не влюбись, дура. Не влюбись».

Но чёрт возьми. Запах сандала всё ещё стоял в моих ноздрях. И моя кожа всё ещё помнила его прикосновение.

Где-то на дне сумки завибрировал кнопочный телефон. Сообщение от Семёныча: «*Есть прогресс?*»

Я посмотрела на экран. Потом перевела взгляд на пакеты от «Гуччи» и «Дольче». На шампанское в мини-баре. На закат за окном.

И набрала ответ: *«Есть. Я внутри»*.

Убрала телефон. Приняла душ в мраморной ванной. Надела шёлковую пижаму (её тоже купили — Марго подобрала, пока я мерила платья). И легла в кровать, которая пахла лавандой.

Перед сном я думала о его словах: «Не порежься сама».

Я уже порезалась, Давид. Я истекаю кровью. Просто ты ещё этого не видишь.

Глава 5. Язык, который он понимает

Мой первый рабочий день начался с запаха денег.

Я проснулась в своей новой кровати, утопая в подушках, пахнущих лавандой и свежестью, и несколько секунд просто лежала, глядя в потолок. Потолок был белым, с лепниной по периметру. Через панорамное окно в комнату вливался утренний свет — мягкий, золотистый, совсем не похожий на тот ржавый луч, который сочился сквозь засаленные шторы моего гестхауса.

Я села. Простыня соскользнула с плеч, и я увидела себя в огромном зеркале напротив кровати. На мне была шёлковая пижама, которую вчера принесли вместе с остальными покупками. Тонкий шёлк переливался на свету, обнимая грудь и бёдра так, будто его сшили специально для меня. Я подняла руку, и рукав скользнул вниз, открывая запястье. Даже моя кожа казалась другой в этом освещении — не бледной и уставшей, а какой-то перламутровой.

Я спустила ноги на пол. Он был тёплым. Здесь были полы с подогревом. Полы! С подогревом! Я стояла босиком на тёплом мраморе и чувствовала, как тепло поднимается по ступням к щиколоткам, к икрам, к коленям. Это было как объятие снизу. Как будто сам дом говорил: «Расслабься. Теперь всё хорошо».

Но всё не было хорошо. Вчерашнее сообщение Семёныча жгло телефон в сумке. «Я внутри». Что я внутри? Я внутри его офиса или внутри его игры? Или, хуже того, внутри его головы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.